

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

УДК 82.43

DOI: 10.17223/24099554/10/10

А.В. Королёв

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ «СМЕРТЬ СУБЪЕКТА КАК СМЕРТЬ ЧИТАТЕЛЯ В РОМАНЕ А. КОРОЛЕВА “ДОМ БЛИЗНЕЦОВ”»¹

---

*Авторский комментарий к статье А.Г. Янкуса, опубликованной
в № 9 нашего журнала за 2018 г.*

*Ключевые слова: русская литература, А.В. Королёв, «Дом близ-
нецов», авторский комментарий.*

...Спешу сразу заметить – работа очень достойная и автор легко и глубоко проникает в лабиринт авторских смыслов.

Отмечу, например, несколько важных деталей, значение которых я-автор не осознавал до конца, например, штрих о приставке фон в имени фон Боррис... да, согласен, это не только знак социальной причастности к вертикали, но еще и *фон*, на котором развешаны события и фигуры, нечто вроде задника вертепа, в театре кукол на ярмарке... очень точно.

Сам же я скорее апеллировал к социальным реперам вызова, вспомним вызов Ларса фон Триера, который включил в свое имя эту отметину: фон, не являясь потомственным фоном, т.е. дворянином. Мерещилось подспудно и еще отражение двух фанаберий: фон-барон, о тех, кто выскочил *из грязи в князи*, и барон Мюнхгаузен, т.е. могучий обманщик...

Любопытно сказано и о том, что в имени фон Боррис заключены фаза борьбы и конец борьбы, и, хотя я об этом прямо не думал, но вижу, что это состояние мной как-то чувствовалось и говорю: браво!

Верно замечено и стремление не навредить герою оценкой автора и подать персонаж как можно более нейтрально...

---

¹ Орфография, пунктуация и графика авторские. – *Ред.*

Своеобразное написание трактовок и при том весьма противоречивых было одним из решающих стремлений (моих) создать текст с как можно большим уровнем и числом возможных прочтений, я это состояние называю для себя интерпретационной готовностью, тут даже явные противоречия и несовместимости идут в масть и в рифму общего замысла...

Замечу также, что, в силу особенностей авторской манеры, я не могу описывать неизвестное и уж тем более выдуманное место действия, я даже в раннем фантастическом романе *Блюстители неба* списал школу на другой планете с родной пермской 32-ой... и мой полумистический Хегевельд помещен в реальный пейзаж бывшего немецкого курорта для летчиков люфтваффе Раушен, ныне Светлогорск, что в паре часов езды от Кёнигсберга / Калининграда... и пляж, и пляжный лифт, и звуки морского прибоя, и аура парка, и автостоянка, и мотель, и прочая оснастка взяты из Раушена (доведется быть там, убедитесь сами)...

Замечу также, что в опубликованной работе не отражено явное намеренно подчеркнутое сходство «перемены тел» в номерах мотеля с известным зачином из фильма Антониони «Профессия, репортер»... Мне казалось, что это просто бросается в глаза, даже есть краткая отсылка к кино... Знойный дух пустыни, той африканской пустыни, был – на подсознательном уровне – важным формальным истоком во время написания романа, форма сфинкса для княжеского особняка оттуда, из египетской Гизы...

Верно отмечены повторы структур... Весь роман строился по принципу симметрии в ее самых разных проявлениях в том числе и с учетом асимметрии и, что особенно важно, так называемой *дисимметрии* – когда элемент скрыт в глубине повествования и вдруг неожиданно входит на поверхность сюжета и структурирует пространство вокруг осей координат, скорее, крест координат, роза ветров была для меня матрицей для системы акведуков, хотя и отсылка к паутине, к контролю Арахны тоже подмечена верно...

Ритм появления эпизодов строился подчеркнуто и намерено единообразно: утро, день, ужин, диспут, меню (списано из приложений к трактату Ватель, повар короля-солнце), стук в дверь, очередной визитер на пороге, ночной завиток ситуации, пробуждение и снова по кругу... Зачем я выдерживал такое единообразие? Тут важно было не мешать читателю отвлекаться на пируэты сюжета от созерцания

пиршества мысли, по сути, это ведь философский трактат против позитивизма, написанный в форме интеллектуального детектива...

Как если бы Спиноза или Витгенштейн изложили свои идеи в форме романа приключений, что, кстати, легко делал Вольтер в шедеврах «Вавилонская царица», «Кандид», «Простодушный» или Платон, изложивший свой космос в форме занимательных диалогов... Платон! Очень верно сказано, про солнечный зайчик, пущенный девочкой шалунишкой в лицо сыщика, который... озарил его подобно свету в известном платоновском сравнении сознания с пленником внутри пещеры, наблюдающим только отражения и смутные тени от истин... Я тут поставил плюс и восклицательный знак на полях рукописи...

Сыщик – как читатель текста, тут я взял паузу... Скорее мой Валентин Драго не читатель, а чтец, произносящий в состоянии сомнамбулы текст, спрятанный внутри себя же. Книга тайн Мандрагоры не ноты, стоящие на пюпитре перед лицом музыканта, именно это состояние скрытости текста от себя самого было для меня важнее других смыслов, согласитесь, как часто мы не можем прочесть самих себя, как редко вслушиваемся в зов принуждения к судьбе, о чем замечательно писал Хайдеггер: счастье стать трофеем рока, благо уйти от хаоса самостояния и вольницы случая... Не каждому дано быть несчастным Эдипом, да, но в плену рока есть своя правда... Мой герой переживает это жуткое счастье плена в чадущую мандрагоры, которая увеличивает его до размеров Истинного Человека, так Давид в поединке становится в рост с Голиафом и побеждает противника... Увы, это состояние конечно же сравнимо с состоянием смерти читателя внутри субъекта и наоборот... Общий посыл статьи верно передает дух романа...

Далее... Читатель Валентин, а автор произведения князь..., пожалуй, соглашусь... Драго – часть слова мандРАГОра...

Замечу также, что считать моего князя неким новым вариантом Мефистофеля или Воланда было бы узко и опрометчиво, это более сложное состояние. Предположим на миг, что сам Творец спускается на землю, чтобы на час исполнить роль ангела Сатаны и отдохнуть от блага в форме света, и пережить благо как форму творящей тьмы... Как известно, именно тьма – мать творения, а не свет... Это очень ёмкое жуткое страшное поразительное и парадоксальное состояние сворачивания древа Кетер в точку Малхут (яснее сказать не могу).

О том, что Клавиго – клавиша, очень хорошо, я это чувствовал, только смутно и вдруг, именно, *клавиша под нажимом руки демиурга...*

И слово скрипторий; скриптор – тоже очень уместно...

Проявления Аида как царства мертвых в романе я совершенно не заметил, но верно замечено, верно... оно налицо...

На стр. 117 (если иметь в виду пагинацию журнала) обнаружил строчку «о ложной идентичности хасида» ...не понял, о чем это и про что сие сказано...

А вот слова о том, что перед нами не деспотия, не ферула власти, не прихоть силы и придурь князя, а *предложение игры* – отчасти даже шутливое приглашение принять неизвестные правила и стать частью этой русской рулетки – да, именно так... Тебе предложена свобода побыть другим, дана возможность сменить шкуру привычного на оболочку в облаке метаморфоз, жить вне узилища личности... а ты?

Мелькнуло сравнение с романом Умберто Эко «Имя Розы», решительно не соглашусь, это ошибочное сближение... Умберто Эко – грандиозный имитатор (я видел, как он пожирал мясную лазанью в ресторанчике отеля в Пенне, в 2001 году, где я получил премию Пенне за роман «Голова Гоголя» вслед за Умберто... он нас всех надул... это чревовещатель, а не философ... Манджафоко, пожирает огня, Карабас-Барабас). Нет, нет, вся манера написания текстов в русле У. Эко мне чужда! Гораздо точнее будет оглянуться на роман Фаулза «Волхв», тут я вступаю в союз с островом власти мага и одновременно в полемику с пониманием идеи контроля. Фаулз видит в путах Рока и Предопределения только муку и ложь для человека, мне же ближе иная точка зрения: только став рукой Провидения ты сможешь вырасти до размеров Адама, что есть идеальный проект человека (бог создал Адама, а не человека, это разные сущности, например, до падения Адам не имел – грубо говоря – пищевода, который вполз в него как многометровый кишечник змея и принудил к состоянию глотки, голода и жратвы и прочим физиологическим парадоксам бытия).

Далее. Сравнение Валентина с Тезеем, а князя с Минотавром? Нет это параметры лабиринта, мой же лабиринт вынут из темноты, поднят из-под земли, открыт взору, вот он весь как на ладони – над тобой в ясной яви координат акведука... их маршрут – это маршруты воды и света, их цель не плен, а свобода ну и так далее.

Кастальский ручей течет только вверх по склону Парнаса. Секрет открытого лабиринта в том, что тайна не створаживает человека, а выводит его на простор вне пут, шагай прямо в воздух! И ты не упадешь.

Разница двух скульптур у входа в шарообразный дом сиамих близнецов (слева идеальная Помона, справа перекрученный Барлах) – только видимость разницы, по состоянию это одно и то же, одна и та же фигура противоречивой дисимметрии, идеал...

О книге «Сад исполнения желаний» замечу: это женщина, божество в форме голоса, блеск шлема Афины Паллады в чаще ночной оливковой рощи, это дух тайны, порождающей истинное тело, в этом ракурсе мой герой Валентин – это роды книги, она его роженица, а он дитя волшебства, плод на пуповине, вот где истинный смысл акведуков, ручьи воды в высоте, это пуповины смысла божественной озвученной речи. Без книги он просто ничто, часть Ахилла, всего лишь пятка, вот почему Валентин — это не только Valens – здоровый – но больше *валентный*, сгорающий от контактов подобно тому как на глазах сгорает на воде кусочек калия в школьном опыте...

По ходу романа происходит скрытая смена имен моего героя, но это осталось за скобками, как еще ряд линий и смыслов.

Нижний уровень сюжета автором понят и схвачен верно, но есть еще и верхний этаж этой истории, например, такой: ясно, что в конце концов дерзость нашей цивилизации создаст на Земле некий аналог Бога, и мир будет поставлен под контроль Блага, которое будет не где-то **там**, а здесь... Об этой перспективе я хотел пристально поразмыслить в своем романе.

Анатолий Королев
05.07.18. Москва

Верхний этаж (смыслов)

... Наконец, выкроил пару часов для продолжения своего первого летнего письма. На календаре уже осень, сентябрь...

Итак, повторяюсь, конечной целью развития земной цивилизации я вижу некое планетарное мироустройство, где абстрактная идея Бога будет технически воссоздана на земле и этот вот реальный вездесущий материальный Господь станет воплощать – сиюминутно! – идею воздаяния – справедливый суд и справедливое благо – прямо

сейчас, не откладывая в долгий ящик некоего загробного существования.

О, тут будут проблемы...

Мой герой, фон Боррис, – отчасти злой гений в духе немых фильмов ужаса 1920-х годов, отчасти сверхчеловек и до известной степени ницшеанец – пытается построить первую опытную модель идеального мира, где роль всеведущего существа играет оранжевый сад мандрагоры, сад, читающей мысли и видящий насквозь... Осталось только найти техническое решение для прочтения этой одухотворенной плазмы с голосом женщины, найти метод для расшифровки грёз грозной сомнамбулы + шкалу справедливого воздаяния, и машина по исправлению кривизны/погрешностей бытия заработает на полную катушку.

Но! Князь слишком своенравен, строптив и капризен... он тяготеет даже пленом личной мечты и хотел бы испытать на прочность свою же собственную химеру.

В этом порыве страсти он становится врагом рационального.

И мой роман, тут как тут, приходит на помощь герою. О, смерть расчета? Это всегда интересно. Как палочка-выручалочка. Как посох Моисея приходит на выручку пленным евреям во дворце фараона: отпусти мой народ! И клюка пастуха пожирает живых крокодилов египетских магов.

Одним словом, именно этот рационалистский дискурс познания я и пытался исследовать в своем романе, романе, который весь до самой последней буквы направлен против позитивизма!

Бог из машины?

Увольте...

В повальном уповании на технику, на цифру, на анализ и прочую материальную оснастку в духе *техно* я вижу главную угрозу нашего бытия. Сразу замечу, что в этом опасении я следую в фарватере тревог Хайдеггера, который наряду с Платоном, Спинозой, Ари и хотя бы с Витгенштейном, остается для меня номером 1 в мировом пантеоне мысли.

Мой фон Боррис – в первую очередь человек, да, но он же отчасти есть частное приватное путешествие надзирающего Бога (ночная тень света, князь тьмы, лунная дорожка на водопаде) путешествие великого Контролера, на землю, в маске могучего эскулапа и прово-

катора... прогулка через дремлющий рай к подлунному древу познания добра и зла. Зачем? С какой целью? А затем, чтобы на практике проверить, как работает идеальная машина Провидения «в полевых условиях».

И фон Боррис понимает, что его опытный образец образца 1929 года под пристальным колпаком Взора свыше, отсюда вся нервозность и истерика в диспутах и банкетах.

Мой незадачливый сыщик попал в Хегевельд отчасти как кур в ошип, – нечаянно/намеренно, – и сполна заплатил за вторжение *тела* в мир говорящих идей.

Но при всей игривости формы мой роман всего лишь прикидывается шпионским романом – на деле это сумма тезисов, разложенных по полочкам якобы остросюжетных глав, исполинский диспут между *техно* и тайной.

По сути трактат...

Вот, хотя бы навскидку, спор между современной картиной мира, сочиненный физиками и популярным поп/космологом Стивеном Хокингом, и мирозданием Князя, который отрицает (и высмеивает) каждый атом расхожих тезисов позитивизма: сотворение из точки сингулярности, Большой взрыв, расширение вселенной, нарастание энтропии, смерть вселенной, субатомный уровень строения материи, бозоны и прочий научный *комикс*.

Кстати, это ликование современной научной гипотезы о появлении вселенной, вызывает оторопь отворачивания не только у вашего покорного слуги, но и, например, у Терри Гиллиама... я о его трагикомическом фильме «Теорема Зеро», где герой сходит с ума от ультрасовременного вида на вселенную с чавкающей черной дырой *ничто* посередине.

Подобный кошмар энтропии – внутри облака черного юмора – отчасти знаком и мне.

Практически вся онтология современных гуру, их мания обойтись без философии, а верить/ввериться эксперименту, мне кажется абсурдной.... А как вам запрет наших физиков спрашивать, а что же было за минуту до Большого взрыва? Мол, вопрос не имеет смысла.

Терри Гиллиам показал фиаско физики на примере своих визуальных фантазий, на экране, я же постарался вызвать смех про себя – в голове думающего читателя – на примере дискуссий моих персо-

нажей в благодатном чаду мандрагоры о полной несостоятельности *техно* взять на себя роль истины.

Я за тайну.

Я за то, что разобрать машину мироздания по винтикам разгадок никогда не получится.

Мы созданы из той материи, что наши сны, заметил Гамлет.

Еще одной мишенью для прибоя романых смыслов, я выбрал историю, еще один фиктивный продукт цивилизации. Нет, я не отрицаю фактологическую важность исторической памяти, но история в нынешнем виде, по сути – художественный вымысел, романистика на почве дат и фактов, это беллетристика, книги для юношеского чтения, букварь для простонародья, а не наука. Ее еще предстоит создать... как именно я не знаю, но признать причины истории (чуть утрирую) норовом мадридского двора, интригами турецкого дивана, даже подагрой Филиппа II или экономическими расшифровками в духе Маркса я не готов. Как пример – романый диспут о причинах пертурбаций XX века, каковые я вижу исключительно в эстетике... но, увы, в общественном сознании решающую роль идеалов красоты низвели к культу моды, к покрою одежды, а не к покрою бытия и космологии должного.

Возможно, моя самонадеянность будет освистана, что ж... Пишу бегло, тезами... чтобы только очертить контур романа.

Замечу попутно, что важный аспект моей мандрагоры и ее тотальной власти в романе скрыт в моем печальном убеждении, что в скором будущем, когда нано/технология избавит человечество от труда и мы будем собирать из атомов хлеб и воду, гамбургеры и молочные реки (первая молекула ксенона уже успешно собрана, просто никто не понял, что грянула новая Хиросима), тогда большая часть человечества уйдет жить в виртуальный мир, коконом тысячелетнего счастья на присоске матрицы небытия, примется проживать вымысел (на что каждый получит законное право!) И только меньшая часть останется в подлунном мире реальной боли и смерти.

Увы, жить – опасно.

И еще.

Роман «Дом близнецов» писался мной *по методу марионетки* – суть метода изложена в гениальном эссе Клейста «О театре марионеток» (1810). Если коротко, важно найти центр тяжести текста,

опустить нить (путь души танцовщика, пишет Клейст) в точку творения, и марионетка оживет, и все ее части будут автоматически согласованы в единство, единством гармоничных колебаний кривых станет весь театр марионеток, и (заменим слово *театр* словом *текст* и *партитура*!) тогда роман, пьеса, рассказ, танец, скерцо станцуются, зазвучит, напишется как бы сам собой, а тебе же – в случае удачи – останется только успевать записать то, что водопадом букв льется на бумагу из сердцевины прекрасного... Таким извержением быстроты – залпом – были мной написаны когда-то ранние тексты, в молодости, например, «Гений места»... Так вот, я собирался потратить на роман «Дом близнецов» около 2-х лет, а написал практически за 25 дней весь черновик!

Важно овладеть балансиrom по имени *асимптота*.

Повторится ли когда-нибудь такое чудо?

Не знаю.

На этом свой беглый опус заканчиваю.

Ясно, что многое осталось за бортом...

Анатолий Королев
30.09.2018. Москва

A POSTSCRIPT TO THE ARTICLE “THE DEATH OF A SUBJECT AS THE DEATH OF A READER IN THE NOVEL *HOUSE OF TWINS* BY ANATOLY KOROLEV”

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2018, 10, pp. 183–191. DOI: 10.17223/24099554/10/10

Anatoly V. Korolev, writer (Moscow, Russian Federation).

Keywords: Russian literature, A.V. Korolev, *House of Twins*, author's comment.

The author's comment on the article by Andrey G. Yankus published in Issue 9 (2018) of *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*.